

А. П. Пузанов

**ЭТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА
«РУССКОЙ ИДЕИ»
Н. А. БЕРДЯЕВА**

УДК 37.035.6

ББК 74.03(2)

Н. А. Бердяев значительную часть своего творчества посвятил России, исследованию русской души и духовной истории отечества. Наиболее ценными представляются его этические воззрения, которые нашли свое отражение в «русской идее». При этом их мнимая непедagogичность очевидно контрастирует с глубоким философско-образовательным смыслом, заложенным автором.

Ключевые слова: «русская идея», этика, педагогика, персонализм, индивидуализм, христианский универсализм, национализм, патриотизм, патриотическое воспитание.

A. P. Puzanov

**ETHICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEMS
OF N. A. BERDYAEV'S "RUSSIAN IDEA"**

N.A. Berdyaev devoted considerable part of his works to research of Russia, Russian soul and spiritual history of the native land. His ethical views reflected in "Russian idea" seem to be the most valuable ones. Their alleged unpedagogic character contrasts with deep philosophical and educational sense put by the author.

Key words: "Russian idea", ethics, pedagogy, personalism, individualism, Christian universalism, nationalism, patriotism, patriotic education.

В самом начале «Русской идеи» (1946) одно из первых предложений довольно точно определяет характер и содержание задач, которые ставил перед собой Н. А. Бердяев: «Меня будет интересовать не столько вопрос

о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идея» [8. С. 13]. Английский исследователь Э. Келли отмечает, что «русская

идея» — это эсхатологический поиск, который является главной отличительной чертой русской философии» [22]. Существуют различные трактовки «русской идеи»: националистические, космополитические, религиозные, светские. Данной проблематикой занимаются философы, историки, социологи, публицисты, писатели, журналисты, политологи, педагоги. Среди множества дефиниций в научной и философской литературе можно выделить ряд основных направлений осмысления «русской идеи»:

— **Любовь к России, к Родине** — характер русского, точнее, российского патриотизма.

— **Историческая миссия России и ее народа.**

— **Исторический путь России, его своеобразие и его пересечение с путями других народов, стран, регионов (Россия и Запад. Россия и Восток. Россия как Евразия).**

— **«Русская душа», или специфика национального характера русского народа.**

— **Своеобразие российской национальной культуры.**

— **Российская государственность [17. С. 301–302].**

Нас будет интересовать этико-педагогический контекст «русской идеи» Бердяева. По словам Р. И. Александровой и А. И. Белкина, «исторически сложилось так, что в России философия чаще всего была ориентирована на нравственные ценности, и одной из глубинных ее функций была воспитательная» [1. С.43]. М. Н. Громов отмечает такую особенность русской философии, как «рассредоточение

во всем контексте культуры» [15. С. 54], в связи с чем вполне уместно говорить о ее педагогических аспектах, включая и «русскую идею». Философ в русской интеллектуальной традиции — это не только «творец умозрительных систем, но учитель и наставник, создающий жизнестроительную философию. Он учит не только тому, как надо думать, но прежде всего тому, как надо жить» [15. С. 60].

Вполне оценить этику Бердяева без учета его «русскости» невозможно; впрочем, также как и его «русскость» без этики, о чем он однозначно заявляет: «Свою русскость я вижу в том, что проблема моральной философии для меня всегда стояла в центре» [9. С. 352–353]. **Философ говорит о «русской потребности все в мире осмыслить морально и религиозно» [7. С. 55] и «моралистическом складе русской души» [7. С. 84].**

Свою этику Н. А. Бердяев называет парадоксальной. Парадоксальна и его «русская идея». При всей своей внешней непедагогичности она внутренне глубоко педагогична и несет огромный воспитательный заряд. «Русская идея» Бердяева актуальна и сейчас, когда вопрос народного единства стоит столь остро. Отступление от своей миссии, обезличивание и подмена могут завести в цивилизационный тупик. Отречься от национальной традиции в культуре и образовании значит подрубить корни у древа народной жизни, о чем свидетельствуют неоднократно предпринимавшиеся в российской истории топорные попытки искусственно пересадить чуждые ценности на отечественную почву.

Образование — фундамент общества, и что, если не оно, должно отражать призвание народа России. Очевидно, что такой подход оправдан не только для России, но и для других стран. Стоит вспомнить японское чудо, которое во многом связано с тем, что японцы сумели совместить требования современности и западную модель со своими традициями в принципе «Вакон есай» («Японский дух — западная технология»), следствием чему является высокотехнологичная экономика знаний, основанная на достижениях системы образования.

Е. П. Белозерцев в курсе лекций «Образование: историко-культурный феномен» проводит мысль о том, что образование не может не быть национальным: «Система образования выстраивается на основе философии образования, центральной темой которой является тема человека и народа. В данном контексте философия человека, антропология есть основа гуманистического направления образования. Философия народа, его характеристические черты определяют национальное содержание и характер образования» [2. С. 110]. Можно сказать, что «русская идея» как конструктивная мысль, показывающая направление и путь развития России, определяет соответственно и путь развития отечественного образования. Национальная специфика прослеживается не только в общеобразовательной школе, но и в профессиональном образовании, особенностях воспитания и преподавания, характере организации труда и производства. «Национальная идея напрямую связана с образованием, которое

по содержанию и характеру — национальное, а по мере ответственности за него — государственное» [2. С. 83]. Национальная идея — это идеология национального образования, считает Белозерцев, поскольку «национальная идея не может не быть воспитывающей идей (или педагогической идеей)» [2. С. 141]. Не случайно ученый подчеркивает необходимость индивидуального принятия национальной идеи, ведь «искать нужно не то, что объединяет всех, а то, что важно для каждого» [2. С. 141].

Личностный подход позволяет этически встроить «русскую идею» в систему воспитания. Одно из главных требований этического учения Бердяева — будь собой, не изменяй себе, что относится не только к отдельной личности, но и ко всему народу. У каждой нации, как и у каждого человека, свое предназначение от Бога. Использовать свой дар, воплотить, реализовать свой талант — таково призвание любого народа. В «русской идее» Бердяев рассказывает о даре народа России, о том, каков этот дар. Философско-образовательный взгляд на «русскую идею» Бердяева, как религиозно-философское выражение пути России, обладает несомненным конструктивным зарядом в силу ее позитивной нравственной направленности, утверждения вечных идеалов и духовных ценностей в отношении российского народа как представителя общечеловеческой семьи.

«Русская идея» как творческая идея есть выражение неповторимой судьбы и творческого задания русского народа, творчества нации. Нация — это

творческая личность, только задачи ее более глобальны, и у каждой нации они свои. Этический персонализм Бердяева связывает партикулярность каждого конкретного человека с целым всей нации: «Народ — прежде всего я сам, моя глубина, связывающая меня с глубиной великой и необъятной России» [7. С. 75]. Народ есть неотвечимое понятие от себя как представителя нации. Нация видится Бердяевым персоналистически, и в этом заключается его этическое отношение к ней как к неотъемлемой части человека, выражающей его идентичность на сверхиндивидуальном уровне. Нация — это я, народ — это я, поэтому любить Отечество, быть патриотом — это значит любить себя и других, в которых также содержится это сверхиндивидуальное. Ведь не любя себя, нельзя любить других. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Мф 22:39]. Бердяев намеренно обращает на это внимание: «Самые злобные люди — это люди, которые себя не любят. Люди же, которые себя любят, нравятся себе, обыкновенно бывают добрее, снисходительнее к другим людям. Это один из психологических и нравственных парадоксов. Можно быть черствым и бессердечным эгоистом и не любить себя, не нравиться себе, даже вызывать в себе отвращение. Один из источников человеческого страдания заложен в том, что человек не нравится себе, вызывает к себе отвращение, не может полюбить себя. Между тем как есть должная, Богом назначенная любовь человека к себе как Божьей твари, любовь в себе к образу и подобию Божьему. Нужно любить ближнего, как самого себя.

Значит, нужно и самого себя любить, почитать в себе образ Божий» [5. С. 77–78]. Национальное лицо есть такое же конкретное, индивидуальное лицо, как и лицо каждого отдельно взятого человека. Но в том-то и суть, что человек не берется отдельно. Он — часть нации так же, как и нация — часть его. Поэтому сохранение национального лица есть сохранение личности.

В. В. Зеньковский призывает любить отчизну как мать, как свое, родное, потому что «не чужое нечто мы любим в родине, но любим то, от чего сами родились, что светит нашей душе, как ее самое подлинное и самое глубокое существо. Высшая точка национального эроса дана не в гордом сознании своей принадлежности к родине, не в тщеславном упоении тем, что наша родина краше и лучше других стран, эта высшая точка в чувстве, что родина мать, что ее мы дети, ее создание...» [16].

Эмигранты полюбили родину, когда ее лишились. Им не надо было специально прививать это чувство, оно рождалось само, и это знает каждый, кто жил на чужбине. Не случайно русский вопрос — один из критически важных для понимания творчества философов-изгнанников из России. Русская тема пронизывает все аспекты их деятельности, в том числе и этическую проблематику. Зеньковский говорит о том, что «максимальное расширение, на которое идет без усилий чувство родины, есть связывание его с моральным миром» [16]. В основу всего национального воспитания он ставит моральную идею служения, обосновывая ее прежде всего духов-

но-религиозно. Примечательно, что Бердяев также подчеркивает этический характер патриотизма через должностничество, что отмечает Т. В. Беспалова: «Н. А. Бердяев обосновывает необходимость на уровне должного «любви ни за что» и «любви до», тем самым подчеркивая самоценность, самодостаточность любви к России как таковой» [13]. Фактически дается этическое обоснование патриотизма.

Иностранный исследователь России и русской души В. Шубарт говорит о двух культурных типах — прометеевском, героическом человеке и иоанновском, мессианском человеке [19. С. 244]. Европейцы представляют по большей части первый тип, русских же он относит ко второму. В личности Бердяева мессианский дух был так же силен, как и прометеевский. И по культуре, и по крови философ принадлежал не только России, но и европейской цивилизации, чем можно отчасти объяснить его всеобщее признание на Западе. Германо-латинский творческий активизм, стремление к преобразованиям сочетались в нем с чисто русской всечеловечностью. Отсюда — его обращенность к синтезу, экуменизм, открытость, гибкость, готовность к приятию чужого, на что указывает еще один зарубежный ученый М. Беззос: «Бердяев страстно пытался наладить философский контакт между Востоком и Западом в течение всей своей жизни, что ему удалось лучше, чем кому-либо еще из его соотечественников. Бердяев всегда старался примирить Восток с Западом не через компромисс или дипломатию, а с помощью филосо-

фии» [21]. Междивизиционная миссия Бердяева может быть названа вполне успешной, а его медиативный феномен требует отдельного исследования и в целом подтверждает выдвигаемый им постулат о вселенскости русского человека.

Универсализм Бердяева, лежащий в основе такой важнейшей характеристики русского народа, как всечеловечность, имеет этическое и персоналистическое обоснование, ведь «в основании философии лежит предположение, что мир есть часть человека, а не человек часть мира» [5. С. 25]. Отсюда следует вывод, что не столько личность — часть народа, сколько народ — часть личности. Это революционное утверждение находится в основе всей экзистенциальной философии, знаменуя «коперниканский» переворот, который выражается в переходе от объекта к субъекту философствования. Концепт единства в многообразии разрешает дихотомию универсального и партикулярного радикально — через макрокосм личности мы видим микрокосм Вселенной: «Человек, в котором исключительно преобладает то, что он француз, англичанин, немец или русский, исключительно преобладает дворянин или буржуа, профессор или чиновник, совсем не есть богатый человек и не есть конкретный человек по преимуществу. Конкретность есть целостность, и потому она не определяется количеством партикулярных признаков. Самый конкретный человек есть человек универсальный, преодолевающий исключительность, изолированность, самоутверждение признаков национальных, социальных

или профессиональных. Но в универсализм конкретного человека входят и все представленные в своей исключительности партикуляристические признаки. Хорошо быть русским человеком, хорошо быть философом, но партикуляристическая исключительность в философском призвании и специальности — очень плохое свойство и мешает конкретности, целостности человека. Универсальность есть достижение полноты» [6. С. 68].

Бердяев радикально связывал свой статус экзистенциалиста с универсалистским мировоззрением: «Я называю экзистенциальным философом того, у кого мысль означает тождество личной судьбы и мировой судьбы» [9. С. 360]. Он пишет не об индивидуальном спасении, но о спасении всех. Один человек, одна личность, какой бы великой она ни была, не в силах произвести революцию духа и изменить не то что мир, но и себя без духовной революции всех окружающих, соединенных незримыми духовными нитями: «Творение, предоставленное своим собственным силам, бьется над решением проблемы бытия и не находит ни счастья, ни смысла, не спасается от смерти и страдания. Личность ждет универсального разрешения своей судьбы, и в этом скрыта уже жажда веры и религиозного исхода. Чтобы человеком стать, нужно, чтобы Бог был и чтобы Богочеловек являлся» [12. С. 204]. Настоящее спасение и преобразование в подлинно христианском понимании — это всеобщее, универсальное действие, где все ответственные за всех, где вопрос «Каин, где брат твой Авель?» равнозначен вопросу «Авель,

где брат твой Каин?». Только такая этика универсальной ответственности имеет право называться истинно христианской. Философия Бердяева — это философия ответственности всех за всех. В русском жалостливом, мягком, сердечном характере мыслитель видит ростки подлинного христианского универсализма, которым он готов поделиться со всем миром.

Однако Н. А. Бердяев — не космополит, не безликий «человек мира» в той же мере, как и любая настоящая личность, которая обладает индивидуальностью, присущей ей изначально. Так вот национальное и национальность можно сравнить с такой индивидуальностью для личности на уровне коллективного бессознательного. Поэтому отказ от национальности равнозначен отказу от индивидуальности, в том числе и в личностном плане. Однако индивидуальность не должна довлеть над самой личностью, которая для Бердяева связана, прежде всего, с духом, свободой и творчеством: «Личность есть целостный образ человека, в котором духовное начало овладевает всеми душевными и телесными силами человека» [6. С. 18]. «Личность не может быть вполне гражданином мира и государства, она гражданин Царства Божьего» [6. С. 22]. **Национальность есть лишь** один из признаков, составляющих человека как целостность. Это пол, возраст, социальное положение, профессия, от которых нельзя отвлекаться, когда мы говорим о конкретном человеке. Но, вместе с тем, судя о человеке только по его национальности или профессии, мы лишаем его конкретности, абстрагиру-

ясь от полноты, т. е. универсальности. Судить о человеке по группе, которой он принадлежит, значит судить о нем безлично, т. е., по мысли Бердяева, объективировать его.

Следует отметить ту этическую корреляцию, которая наблюдается между индивидуализмом и национализмом в интерпретации Бердяева. Признавая ценность личности, как и нации, которая есть «соборная личность», Н. А. Бердяев выступает решительно против душного индивидуализма, как и против партикуляристического национализма. Индивидуализму Бердяев противопоставляет персонализм: «Персонализм имеет тенденцию коммюнитарную, хочет установить братские отношения между людьми. Индивидуализм же в социальной жизни устанавливает волчьи отношения между людьми» [6. С. 82]. «...Индивидуализм всегда был нам чужд, и мы не связывали с ним нашего пафоса личности» [4. С. 241], «индивидуализм приводит к обезличиванию, к разложению личности» [4. С. 256–257]. «У меня есть настоящее отвращение к национализму, который не только аморален, но всегда глуп и смешон так же, как и индивидуальный эгоцентризм» [9. С. 535]. Национализм же противопоставляется патриотизму: «Патриотизм есть любовь к своей родине, своей земле, своему народу. Национализм же есть не столько любовь, сколько коллективный эгоцентризм, сомнение, воля к могуществу и насилию над другими. Национализм есть уже надуманность, идеология, которой нет в патриотизме. Национальное сомне-

ние и эгоизм так же греховны и глупы, как личное сомнение и эгоизм, но последствия их гораздо более роковые» [6. С. 100].

Недаром М. В. Богуславский называет Бердяева «убежденным сторонником взаимозависимости универсальных и национальных ценностей» [14. С. 38]. Разрывая порочный круг спора западников и славянофилов, философ справедливо утверждает, что этот спор — дело прошлого. Настоящий патриот не может быть ни консервативным охранителем, ни беспочвенным либералом. Подлинный патриотизм, по Бердяеву, связан со вселенскостью русского народа, его открытостью другим культурам. Национальное лицо России — это многообразие. Россия — это единство в многообразии. Россия сильна именно своей универсальностью, готовностью впитывать и усваивать чужое, делая его своим. Русская культура — глубоко синтетическая культура всех народов, населяющих Россию. Живучесть России основана именно на поликультурности, гибкости и подлинном либерализме во взаимоотношениях ее этносов. Бердяев определяет нацию как единство исторической судьбы, а национальное сознание есть сознание этого единства [10. С. 550]. Можно согласиться с В. А. Кобылянским, что «...русская идея является вместе с тем Российской в том смысле, в каком идеалы, представления о мире, интересы русского народа совпадают с таковыми у других народов России» [18. С. 56].

Подобные взгляды Бердяев считает по-настоящему русскими: «Я

русский мыслитель и писатель. И мой универсализм, моя вражда к национализму — русская черта» [9. С. 263–264]. Идея русского народа, согласно Бердяеву, — это всеобщее спасение, свобода и братство: «Русскому народу в его исторической судьбе выпало на долю осуществить более справедливый и более человеческий социальный строй, чем тот, который существует на Западе. Он должен осуществлять братство людей и братство народов. Такова русская идея» [4. С. 255]. **Сотериологический девиз** православия выражает вселенский дух христианства: «Спасаться мы должны вместе, миром, соборно, а не в одиночку» [11. С. 206]. **В единстве — сила**, правда и вера — вот подходящий лозунг «русской идеи». Объединение, а не разделение, общение, а не сообщение, соборность, а не сборность — так можно сформулировать ее важнейшие принципы.

Вместе с тем, критический подход к российской действительности можно считать характерной особенностью темы России у Бердяева и многих других русских религиозных философов [17. С. 305]. Т. В. Беспалова обращает внимание на аксиологическую обусловленность патриотизма в концептуальной версии Бердяева, критерием истины которого выступает историческая правдивость: «Правда представляется философом одной из высших ценностей, она непосредственно связана с патриотическим порывом» [13]. Действительно, этический постулат правдивости — важнейший для Бердяева: «Правдолюбие есть основная онтологическая добродетель,

первая из добродетелей. Будь прежде всего правдив перед Богом, перед самим собой и перед людьми. С этого начинается реальная нравственная жизнь, т. е. различение нравственных реальностей, жизнь в реальностях, а не в фикциях» [5. С. 148].

Бердяев не был склонен идеализировать русский народ, считал, что многие его лучшие качества находятся еще в потенции. Русский человек сильно поляризован и противоречив. Потребность все в мире осмыслить морально и религиозно порождает антиномичность, дуализм нравственных состояний. В «Духах русской революции», в сборнике «Судьба России», опубликованных в 1918 году, Бердяев обрушивается с жесткой критикой на застарелые пороки русского нравственного сознания, наглядно проявившиеся в революционной смуте. Он пишет об «омертвлении русских душ» [7. С. 782], о том, что «...нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам» [7. С. 780], а «колоссальное мошенничество, бесчестность» характеризует как «болезнь русской души» [7. С. 782]. «Для русского человека так характерно это качание между святостью и свинством» [7. С. 80]. «Русского человека слишком легко «заедает среда». Он привык возлагаться не на себя, не на свою активность, не на внутреннюю дисциплину личности, а на органический коллектив, на что-то внешнее, что должно его поднимать и спасать... Принцип «все или ничего» обычно в России оставляет победу за «ничем» [7. С. 81].

В статье «К вопросу об интеллигенции и нации» Бердяев называет

«характерную особенность русской интеллигенции — идею личной безответственности, соединенную с идеей равенства», и продолжает: «Если есть слово, в котором может выразиться современный моральный переворот, то это слово — ответственность, личная ответственность за свою судьбу, судьбу народа и общества» [3. С. 133]. «Только ответственный свободен и только свободный — ответствен» [7. С. 196]. Критика толстовской морали непротivления как выражения пассивности русского человека, у которого «сердце преобладало над умом и над волей» [7. С. 87], позволяет говорить об основной «болезни русского нравственного сознания», заключающейся «в отрицании личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины, в слабом развитии чувства долга и чувства чести, в отсутствии сознания нравственной ценности подбора личных качеств» [7. С. 798]. Актуальность такой постановки вопроса очевидна в свете опроса ВЦИОМ о состоянии нравственности в обществе, который показывает, что в России «чувство свободы не связывается с участием в общественных делах и для многих оно означает отсутствие ответственности и участия» [20]. Показательно, что, говоря о снижении уровня нравственности, россияне главную причину видят в политике государства, в то время как те же американцы, так же недовольные моральным состоянием социума, ищут истоки моральной деградации в семье, в каждом конкретном человеке.

Можно ли бороться с этими пороками? Бердяев убежден, что с ними

должно бороться. В статье с характерным названием «Большая Россия» он выступает представителем традиционного народного сознания, видящего причину бед в отходе от Бога, от правды Христовой и призывает вернуться на путь истинный и покаяться: «Большая Россия должна сознать свои грехи и искупить их, терзающие ее бесы будут изгнаны. Основа же греха есть внутреннее богоотступничество» [3. С. 97]. Обширная публицистика, посвященная теме России, особенно военного и революционного времени, наполнена призывами к самоотрезвлению и исправлению, самодисциплине и ограничению: «В силе и в развитии должно раскрыться истинное своеобразие России. Русский человек должен перестать возлагаться на то, что за него кем-то все будет сделано и достигнуто. Исторический час жизни России требует, чтобы русский человек раскрыл свою человеческую духовную активность» [7. С. 81].

Но как преодолеть эти пороки? Бердяев видит решение в становлении и закале личного начала, характера и, как следствие, духа: «Россия должна пройти через духовную, религиозную эмансипацию личности, через выковывание личности, личного духа, перейти к коллективу не безличному, не природному, а духовному, зиждущемуся» [7. С. 280]. «Вера в силу России должна перейти в явление силы России» [7. С. 479]. «Основной вопрос для России — вопрос пробуждения человеческой, народной самостоятельности» [7. С. 479]. «Мы стоим перед задачей глубокого перевоспитания русского народного характера и

русской личности... Русский человек погибает от безволия. Он живет по преимуществу чувством. Все его мышление слишком эмоционально и заинтересовано, оно не любит объективного, лишено пафоса объективности. И оздоровлением для русского человека будет укрепление в нем воли; оздоровлением будет для него укрепление разума, ищущего объективную истину» [7. С. 774]. **Здесь можно выделить и политико-педагогический аспект: «Задача образования демократии есть задача образования национального характера» [7. С.198].**

Бердяев не делится конкретными рецептами патриотического или национального воспитания, считая, что русские — «малопедагогичны» [8. С. 255]: «Элемент педагогический и благоустроительный был у нас или очень слаб, почти отсутствовал, или был ужасен, безобразен, как в «Домострое» [8. С. 198]. Педагогичность же свойственна Западу, что ярко проявляется в критике католицизма: «Устремленность к грядущему свету, мессианское ожидание противоречат педагогическому, социально-устроительному характеру католичества, вызывают опасение, что ослабится возможность водительства душами» [8. С. 199]. «...Запад был слишком замкнут в цивилизации, слишком социализирован, христианство было слишком педагогическое» [8. С. 219].

Однако педагогичность Бердяева в том, что он верит в воспитание русского народа, но скорее не формально-институциональное, а внутренне-духовное. Это, скорее, философско-образовательный, а не педагогико-методический подход: «Будущее

зависит от нашей воли, от наших духовных усилий» [4. С. 326]. **«Я верю в возможность изменения сознания, революцию сознания, переоценки ценностей, духовного перевоспитания человека. И иному сознанию предстанет и иной мир» [4. С. 180].** В этом он видит смысл и содержание исторического процесса, означающего, по определению, временность и изменимость. Это воспитание духа через испытания, которые суждено пройти России, русскому народу. Бердяев призывает к активному и целенаправленному изменению народного сознания. У русского народа огромный потенциал, и он способен к этому изменению.

Подводя итоги, еще раз отметим, что этико-педагогический контекст «русской идеи» Бердяева можно рассматривать в качестве философско-образовательного фундамента для патриотического воспитания. Его универсализм зиждется на христианском мессианизме, согласно которому каждый народ имеет свое собственное религиозно-творческое призвание. Оставаясь национальным, образование должно быть универсальным, поскольку национальность представляет индивидуальное лицо каждого человека, в то время как личность есть универсальность, т. е. конкретная целостность всех партикулярных признаков в человеке. Мнимая непедagogичность «русской идеи» контрастирует с ее глубинным воспитательным смыслом. Бердяев беспристрастно и правдиво обнажает пороки нравственного сознания русского народа и предлагает духовно-педагогический путь исторического взросления, ведь без

внутреннего, духовного преображения любые материальные революции бес- сильны. Уважение к личности и пра- вам человека, воспитание характера,

воли, ответственности, ограничение и самодисциплина — таков этико-педа- гогический рецепт Бердяева.

Список литературы

1. Александрова, Р. И. **Философия** образования Российского Зарубежья: ду- ховно-нравственные искания Р. И. Алек- сандрова, А. И. Белкин // Российское Зарубежье: образование, педагогика, куль- тура. 20—50-е годы XX века. — Саранск, 1998. — С. 42—51.

2. Белозерцев, Е. П. **Образование: исто- рико-культурный феномен.** Курс лекций / Е. П. Белозерцев. — СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. — 704 с.

3. Бердяев, Н. А. **Духовный кризис** интеллигенции. Составление и коммен- тарии В. В. Сапова / Н. А. Бердяев. — М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — 399 с.

4. Бердяев Н. А. **На пороге новой** эпохи / Н. А. Бердяев // Н. А. Бердяев. Истина и откровение. — СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. — С. 157—326.

5. Бердяев, Н. А. **О назначении че- ловека.** Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. — М. : Республика, 1993. — С. 19—252.

6. Бердяев, Н. А. **О рабстве и свободе** человека. Опыт персоналистической фило- софии / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Царство Духа и Царство Кесаря / Сост. и послесловие П. В. Алексеева. — М. : Республика, 1995. — С. 3—162.

7. Бердяев, Н. А. **Падение свяленно- го** русского царства: Публицистика 1914— 1922 / Николай Александрович Бердяев ; вступ. статья, сост. и примеч. В. В. Сапова. — М. : Астрель, 2007. — 1179 с.

8. Бердяев, Н. А. **Русская идея** / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. — М. : Эксмо, 2008. — С. 12—256.

9. Бердяев, Н. А. **Самопознание** / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. — М. : Эксмо, 2008. — С. 257—623.

10. Бердяев, Н. А. **Философия нера- венства** / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев; Сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Шкоды. — М. : ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. — С. 475— 728.

11. Бердяев, Н. А. **Философия сво- бодного духа** / Н. А. Бердяев. — М. : Республика, 1994. — 480 с.

12. Бердяев, Н. А. **Философия сво- боды** / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев; Сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Шкоды. — М. : ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. — С. 25—262.

13. Беспалова, Т. В. **Патриотизм в** концептуальной версии Н. А. Бердяева: социально-философский анализ [Элект- ронный ресурс] / Т. В. Беспалова // Философия права. — 2009. — № 1. — С. 85—88. Научная электронная библио- тека Е-[library.ru](http://elibrary.ru/item.asp?id=15260360). URL: [http://elibrary.ru/ item.asp?id=15260360](http://elibrary.ru/item.asp?id=15260360) (дата обращения — 30.07.2012)

14. Богуславский, М. В. **Ценности об- разования в наследии философов** Русского Зарубежья (1920-е — 50-е гг.) / М. В. Богуславский // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20— 50-е годы XX века. — Саранск, 1998. — С. 22—42.

15. Громов, М. В. **Вечные ценности** русской культуры: к интерпретации оте- чественной философии / М. В. Громов // Вопросы философии. — 1994. — № 1. — С. 54—61.

16. Зеньковский, В. В. О национальном воспитании [Электронный ресурс] / В. В. Зеньковский // Российский гуманитарный научный фонд. «Педагогика Российского Зарубежья». — Режим доступа: <http://pedagogics.narod.ru/obzor/zarub17.txt> — Дата обращения: 21.08.2010)

17. История философии: Запад-Россия-Восток (книга третья: Философия XIX—XX в.). — М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шигалина, 1999. — 448 с.

18. Кобылянский, В. А. Национальная идея и воспитание патриотизма / В. А. Кобылянский // Педагогика. — 1998. — № 5. — С. 52—58.

19. Лосский, Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер

русского народа. — М. : Политиздат, 1991. — С. 237—360.

20. Нравственность и сила [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: Всероссийский центр изучения общественного мнения. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=4123> (дата обращения — 30.07.12)

21. Begzos, M. P. Nikolaj Berdjajew und die Byzantinische Philosophie. Zur metaphysischen Tragweite der patristischen Theologie. Theologie 64, Athen Jan-Feb. 1993. URL: <http://www.myriobiblos.gr/texts/german/begzos.html>

22. Kelly, A. Russian philosophy. In E. Craig (Ed.), Routledge Encyclopedia of Philosophy. London: Routledge. Retrieved July 08, 2009, from <http://www.rep.routledge.com/article/E042>